

сомый труд». От сборника к сборнику получила развитие «культурная составляющая» поэзии Г.: появляются стихи «**Читая Томаса Манна**», цикл, посвященный Франциску Ассизскому. И рядом с этим — обезоруживающая исповедальность: «Мое детство — стеклянный зверинец, / Боксы детских больниц на просвет. / Шоколадка, печенье — гостинец, / От домашних посильный привет... / Детство смутно, как утро спросонок, / Вечно длящейся полузимой. / Я, обритый больничным волчонок, / Никогда не хотела домой». Вместе с тем, поэзии Г. чужды аффектация, надрыв. «Неброская, скромная красота этого голоса недостаточно оценена нашей критикой. В этом голосе слиты мужественное преодоление личного несчастья и сердечное соучастие во всех человеческих делах» (А. Македонов). И далее: «Точность слова Г. Гампер достигает афористичной сжатости, вместе с тем психологической углубленности и богатства оттенков интонации». В подтверждение своей оценки критик цитирует стих. Г.: «Уже меня не удивишь бедой, / Уже меня не утолишь водой. / Уже из радости не вычтешь боль, / Как из морской воды морскую соль. / Врастаю в землю всей своей тоской / И обретаю — наконец — покой».

Во многом разделяя гражданские и эстетические принципы поэтической когорты «шестидесятников», Г. занимает в их ряду свое, особое место. «Несмотря на традиционность формы, стихи Гампер по праву занимают место в ряду новой поэзии, — подчеркивал поэт В. Шефнер в предисловии к сб. двух авторов (Г. и О. Смирнова) «**Созвучие**» (Челябинск, 1996), — ибо новизна в поэзии — отнюдь не экспериментаторство, не левизна ради левизны, а просто жизненное, душевное событие, встретившееся с вдохновением».

Итогом многих лет работы в поэзии стала большая книга стихов Г. «**И в новом свете дождь и в старом свете**» (1998). «Я с волнением прочитал стихи Галины Гампер и убедился, что передо мной — поэт, а не стихотворец, что она — верный слуга своего предназначения, что, знакомясь с ее рассказом о себе самой, о ее нелегкой жизни, я соучаствую, сопереживаю и, самое удивительное, раздумываю о собственной судьбе», — писал в предисловии Б. Окуджава.

В разные годы Г. много занималась поэтическим переводом. Переводила стихи английских поэтов (Шелли, Китса), американских (поэтов г. Санкт-Петербург, штат Флорида), поэтов Уэльса, Ирландии, Болгарии, Чехии, Японии, а также народов СССР (Лат-

вии, Узбекистана, Киргизстана, Туркменистана, Грузии, Армении, российского Севера). Наряду с книгой переводов из П. Б. Шелли Г. написала и опубликовала документальный роман о жизни этого выдающегося английского поэта.

В свою очередь стихи Г. переводились и публиковались за рубежом (Англия, США, Болгария, Чехия).

Соч.: Крыши. Л., 1965; Точка касания. Л., 1970; Крыло. Л., 1977; Заклинание. Л., 1983; На исходе лета. Л., 1987; Дух сам себе отчина: Жизнь, творчество, неоцененная гениальность, бегства, тайные венчания и ранняя трагическая гибель великого поэта. СПб., 1987; The Glass Zoo / translated from Russian by Alan C. Brown. Newcastle, 1998; И в новом свете дождь, и в старом свете. СПб., 1998; Что из того, что лестница крута? // Как победить судьбу? Проблемы высшего образования инвалидов. СПб., 2000. С. 49–55.

Переводы: Пулат А. Сад: пер. с узбекского. М., 1981; Шелли П. Б. Триумф жизни: избранное: пер. с английского. СПб., 1996.

Лит.: Ветрова Е. Чистый голос песни // Москва. 1966. № 3. С. 219–220; Борисова М. [Рец.: «Точка касания»] // Звезда. 1971. № 5. С. 216–217; Македонов А. Семидесятые: Поиски глубины и глубина поиска // Свершения и кануны: О поэтике русской лирики 1930–1970-х гг. Л., 1985. С. 348–349; Калмановский Е. Притяжение // Нева. 1989. № 2. С. 185–186; Ликач А. Сохранить бы внутри себя свет... // Нева. 1998. № 11. С. 206–209.

И. О. Фояков

ГАНДЛЕВСКИЙ Сергей Маркович [12.12. 1952, Москва] — поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Родился в семье служащих. «Это была, как я теперь понимаю, хорошая советская интеллигентная семья. Например, не могло быть речи о плохом Сталине, но хорошо Ленине <...> Мы не имели права упрекать наших родителей за то, что в школьных учебниках вранье. Наши родители не могли что-либо изменить, для этого требовался героизм, а люди не обязаны быть героями» («**Человек с этикетки**»).

После окончания русского отделения филол. ф-та МГУ (1977) работал учителем литературы в школе, экскурсоводом в музее, затем «по принципиальным соображениям» — охранником строительного управления, сторожем на автобазе, о чем писал: «Отшучусь как-нибудь, как-нибудь отсижусь // С Божьей помощью в придурковатых подпассах».

Из автобиографии: «С восемнадцати лет пишу стихи, которые до конца 80-х годов из-

редка выходили за границы в эмигрантских изданиях: в „Континенте“, „Русской мысли“, „Стрельце“, „22“, „Эхе“, „Бронзовом веке“. С конца 80-х годов мои стихи неоднократно публиковались в отечественных изданиях: альманахах, толстых журналах».

Г.— автор стихотворных книг: «**Рассказ**» (1989), «**Праздник**» (1995), «**Конспект**» (1999), «**Порядок слов**» (2000), повести «**Трепанация черепа**» (1995), книги эссе «**Поэтическая кухня**» (1998), романа «**НРЗБ**» (2002).

На вопрос, почему не выехал за границу, Г. ответил: «Мое отщепенство приобрело не форму эмиграции, а здешнее воплощение: экспедиции, сторожевая служба, богемный быт. Это чистая случайность. С тем же успехом я мог бы сидеть <...> в Нью-Йорке перед корреспондентом „Нового русского слова“ и отвечать на вопрос, почему я не остался на родине» («Человек с этикетки»).

Г.— один из основателей и участников группы «Московское время» (вместе с А. Сопровским, Б. Кенжевым, Е. Бунимовичем) и группы «Задушевная беседа» (позднее — «Альманах») (совместно с Д. Приговым, Л. Рубинштейном, Т. Кибировым и др.), т. е. относится к «крайней ветви» русского постмодернизма — «московскому концептуализму». Г.: «Для меня постмодернизм — не школа и не метод, а современное умонастроение и мироощущение, т. е. данность более широкая, чем писательский или какой еще способ

С. М. Гандлевский

самовыражения. Нельзя одобрять или не одобрять море, климат и т. д. Этот набор данностей просто следует принять к сведению...» («**Выбранные места из переписки с П. Вайлем**»).

Манифест персональной поэтики — «естественность тона, как путь к полноценному общению, и чуткость к гармоническим законам, в существование которых я верю» («**На заданную тему**»). Основное кредо автора — «пишешь ли стихи, прозу, эссе о литературе или страницу-другую по редакционному заданию, главная забота — точная передача своего взгляда на вещи» («**Поэтическая кухня**»).

Авторское определение собственной поэтики — «критический сентиментализм»: «Очертания его размыты <...> Но тяга к одическому слогу, тоска по высокому утраченному родству не может быть здесь реализована с сознанием полной правоты: бывое имеет слишком большую власть над душой поэтов этого направления <...> критический сентиментализм еще реализует свое право на выбор: смешно — смеюсь, горько — плачу или негодую. Обретаясь между <...> полярных стилей, он заимствует по мере надобности у своих решительных соседей, переиначивая крайности на свой лад: сбивая спесь праведной поэзии, окорачивая шабаш поэзии иронической. Этот способ поэтического мироприятия драматичнее <...> других, потому что эстетика его мало регламентирована, опереться не на что, кроме как на чувство, ум, вкус» («**Критический сентиментализм**»).

В стихах Г. звучат лирическо-ностальгические мотивы легкости, света, радости, очарования его «стыдного» прошлого: «Вот мое детство / Размахивает музыкальной папкой, / В пинг-понг играет отрочество, юность / Витийствует, а молодость моя, / Любимая, как детство, потеряла / Счет легким километрам дивных странствий» («**Еще далёко мне до патриарха...**»).

В отличие от Кибирова, причисляемого к тому же направлению, версия «критического сентиментализма» Г. более драматичная, напряженная, «большая»; сантименты Г. суровее, надрывнее, жестче: «Как видишь, нет примет особых: / Аптека, очередь, фонарь / Под глазом бабы. Всюду гарь. / Рабочие в пунцовых робах / Дорогу много лет подряд / Мостят, ломают, матерят <...> / Мы здесь росли и превратились / В угрюмых дядь и глухих тетей. / Скучали, малость развратились — / Вот наша улица, Господь» («**Вот наша улица, допустим...**»). Однако при всей надрывности и надсадности («самосуде нео-

жиданной зрелости) поэзия Г. тяготеет к величественным гармоническим картинам: «После смерти я выйду за город, который люблю, / И, подняв к небу морду, рога запрокинув за плечи, / Одержимый печалью, в осенний простор протрублю / То, на что не хватило мне слов человеческой речи» («Стансы»).

Жизненные обстоятельства (мозговая опухоль, опасность смертельного исхода, операция) обострили восприятие художником окружающей действительности, спровоцировали обращение Г. к жанру «автобиографической» повести. «Трепанация черепа» представляет собой цепочку воспоминаний авторского персонажа, «по касательной» охватывающих события политической жизни страны, на фоне которой разворачивается жизнь главного героя, его приятелей-собутыльников и коллег-творцов, семьи, родственников, государства. Частное превращается в коллективное, лирическое в публицистическое, конкретное обретает черты всеобщности. «Герой Гандлевского, что достаточно редко акцентируется в постмодернистском контексте, хочет брать на себя ответственность за аутентичность истории, за собственную судьбу, подаренную ему — удачным исходом операции — во второй раз <...> и даже за персонажа, чье имя совпадает с именем автора» (В. Курицын).

Роман «<НРЗБ>» написан Г. в иной стилистике. «Жанровое» определение повествования как «романа», данное то ли в названии, то ли в подзаголовке, в действительности определяет не форму, а содержание письма, т. к. в очень небольшом по объему произведении (повести) рассказывается не творческая, не жизненная, а по преимуществу любовная история героя: прошедшее через всю жизнь чувство неразделенной любви к не очень красивой, не очень талантливой, не очень целомудренной Ане.

В ходе повествования возраст героя-повествователя Льва Криворотова меняется: в 1-й и 3-й частях он молод, «неполных двадцати лет от роду», член «кружка литературной самодельности», начинающий и подающий надежды поэт, «гений», пишущий «каждое новое стихотворение <...> по одному в неделю»; во 2-й и 4-й частях герой «мягко говоря, немолод», ему 49. О себе он теперь говорит: «Таланта у меня нет. Были кое-какие способности, да все вышли <...>». Хотя место в истории литературы мне обеспечено. Не за личные, правда, поэтические заслуги, а за вспомогательные: выбился в истеблишмент благодаря комментированию «катакомбной лирики»

умершего поэта из самиздата 70-х. Композиционное построение «романа», основанное на чередовании «прошлого» и «настоящего», с намеренным усилением субъективации повествования, написанного с элементами «ностальгической грусти», делают прозаическое повествование «<НРЗБ>» близким поэтическому творчеству Г.

Г. удостоен премии «Антибукер» за лучшую поэтическую книгу («Праздник») (1996), Малой Букеровской премии за повесть «Трепанация черепа» (1996), премии «Северная Пальмира» за книгу стихов «Конспект» (2000).

Член Союза российских писателей. Участник поэтических фестивалей и выступлений в Австрии, Англии, США, Швеции. Ред. отдела критики и публицистики ж. «Иностр. лит-ра».

Соч.: Рассказ: книга стихов. М., 1989; Праздник: книга стихов. СПб., 1995; Трепанация черепа: автобиографическая повесть. СПб., 1996; Поэтическая кухня: эссе. СПб., 1998; Конспект: стих. СПб., 1999; Порядок слов: стихи, повесть, пьеса, эссе. Екатеринбург, 2000; «НРЗБ»: роман // Знамя. 2002. № 1.

Лит.: Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // Личное дело №: лит.-худож. альм. М., 1991; Генис А. Лестница, приставленная не к той стене // Генис А. Иван Петрович умер. М., 1999; Костырко С. От первого лица // Новый мир. 1995. № 6; Кузнецова О. Представление продолжается: О книге стихов Сергея Гандлевского «Праздник» // Новый мир. 1996. № 8; Куллэ В. Сергей Гандлевский: Поэзия ... бежит ухищрений и лукавства // Знамя. 1997. № 6; Вишневецкий И. [Рец. на «Праздник»] // Зеркало. 1999. № 9–10; Курицын В. С. Гандлевский: пахло русской историей // Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001; Эпштейн М. Каталог новых поэзий // Эпштейн М. Постмодерн в России. Лит-ра и теория. М., 2000.

О. В. Богданова

Г А Н И Н Алексей Алексеевич [28.7(9.8). 1893, д. Коншино Кадниковского у. Вологодской губ.— 30.3.1925, Москва, Бутырская тюрьма] — поэт, прозаик.

Родился в крестьянской семье. Окончил двуклассное земское училище в с. Усть-Кубинское, затем городскую гимназию в Вологде. В 1911–14 учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище. В 1913 — первая публикация стихов в вологодской газ. «Эхо». В 1914 Г. призывается в армию и проходит службу в Николаевском военном госпитале Петербурга. В начале 1916 знакомится с С. Есениным, служившим в подобном же госпитале в Царском Селе. Летом 1917 вместе с Есениным и З. Райх Г. совершает поезд-